

У князя было у Владимира,
У киевского солнышка Сеславича
Было пированьице почестное,
Честно и хвально, больно радышно
На многи князья и бояра, На сильных могучих богатырей.

В полсыта бояра наедалися,
В полпьяна бояра напивалися,
Промеж себя бояра похвалялися:

Сильн-ат хвалится силою,
Богатый хвалится богатством;
Купцы-те хвалятся товарами,
Товарами хвалятся заморскими;
Бояра-та хвалятся поместьями,
Они хвалятся вотчинами.

Один только не хвалится Данила Денисьевич,

Тут возговорит сам Володимир-князь:
«Ой ты гой еси, Данилушка Денисьевич!
Еще что ты у меня ничем не хвалишься?

Али нечем те похвалитися?

Али нету у тебя золотой казны?

Али нету у тебя молодой жены?

Али нету у тебя платья светного?»

Ответ держит Данила Денисьевич:

«Уж ты батюшка наш, Володимир-князь!

Есть у меня золота казна,

Еще есть у меня молода жена,

Еще есть у меня и платье светное;

Нешто так я это призадумался».

Тут пошел Данила с широка двора.

Тут возговорит сам Володимир-князь:

«Ох вы гой есте, мои князья-бояра!

Уж вы все у меня переженены,

Только я один холост хожу,
Вы ищите мне невестушку хорошую,
Вы хорошую и пригожую,
Чтоб лицом красна и умом сверстна:
Чтоб умела русскую грамоту
И четью-петью церковному,
Чтобы было кого назвать вам матушкой,
Величать бы государыней».

Из-за левой было из-за сторонушки
Тут возговорит Мишатычка Путятин сын:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Много я езжал по иным землям,
Много видал я королевичен,
Много видал и из ума пытал:
Котора лицом красна – умом не сверстна,
Котора умом сверстна – лицом не красна.
Не нахаживал я такой красавицы,
Не видывал я эдакой пригожицы.
У того ли у Данилы у Денисьича,
Еще та ли Василиса Никулична:
И лицом она красна, и умом сверстна,
И русскую умеет больно грамоту;
И четью-петью горазда церковному;
Еще было бы кого назвать нам матушкой,
Величать нам государыней!»

Это слово больно князю не показалось,
Володимиру словечко не полюбилось.
Тут возговорит сам батюшка Володимир-князь:
«Еще где это видано, где слыхано:
От живого мужа жену отнять!»

Приказал Мишатычку казнить-вешати.
А Мишатычка Путятин приметлив был,

На иную на сторону перекинулся:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Погоди меня скоро казнить-вешати,
Прикажи, государь, слово молвити».
Приказал ему Володимир слово молвити:
«Мы Данилушку пошлем во чисто поле,
Во те ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлем ко гремачему.
Велим пымать птичку белогорлицу,
Принести ее к обеду княженецкому;
Что еще убить ему льва лютого,
Принести его к обеду княженецкому».
Это слово князю больно показалось,
Володимиру словечко полюбилося.
Тут возговорит старой казак,
Старой казак Илья Муромец:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Изведешь ты ясного сокола –
Не пымать тебе белой лебеди!»
Это слово князю не показалось,
Посадил Илью Муромца во погреб.
Садился сам во золот стул,
Он писал ярлыки скорописные,
Посылал их с Мишатычкой в Чернигов-град.
Тут поехал Мишатычка в Чернигов-град
Прямо ко двору ко Данилину и ко терему Василисину,
На двор-ат въезжает безопасочно,
Во палатушку входит безобсылочно.
Тут возговорит Василиса Никулична:
«Ты невежа, ты невежа, неотецкий сын!
Для чего ты, невежа, эдак делаешь:
Ты на двор-ат въезжаешь безопасочно,

В палатушкуходишь безобсылочно?»
Ответ держит Мишатычка Путятин сын:
«Ох ты гой еси, Василиса Никулична!
Не своей я волей к вам в гости зашел,
Прислал меня сам батюшка Володимир-князь
Со теми ярлыками скорописными».
Положил ярлычки, сам вон пошел.
Стала Василиса ярлыки пересматривать:
Заливалась она горючими слезьми.
Скидывала с себя платье светное,
Надевает на себя платье молодецкое,
Села на добра коня, поехала во чисто поле
Искать мила дружка своего Данилушка.
Нашла она Данилу свет Денисьича;
Возговорит ему таково слово:
«Ты надежинька, надежа, мой сердечный друг,
Да уж молодой Данила Денисьевич!
Что останное нам с тобой свиданьице!
Поедем-ка с тобою к широку двору».
Тут возговорит Данила Денисьевич:
«Ох ты гой еси, Василисушка Никулична!
Погуляем-ка в остатки по чисту полю,
Побьем с тобой гуськов да лебедушек!»
Погулявши, поехали к широку двору.
Возговорит Данила свет Денисьевич:
«Внеси-ка мне малой колчан каленых стрел».
Несет она большой колчан каленых стрел,
Возговорит Данилушка Денисьевич:
«Ты невежа, ты невежа, неотецка дочь!
Чего ради, ты, невежа, ослушаешься?
Аль не чаешь над собою большего?»
Василисушка на это не прогневалась,

И возговорит ему таково слово:
«Ты надежинька, мой сердечный друг,
Да уж молодой Данилушка Денисьевич!
Лишняя стрелочка тебе пригодится
Пойдет она ни по князе, ни по барине,
А по свым брате богатыре».
Поехал Данила во чисто поле,
Что во те луга Леванидовы,
Что ко ключику ко гремачему,
И к колодезю приехал ко студеному.
Берет Данила трубоньку подзорную
Глядит ко городу ко Киеву:
Не белы снега забелелися,
Не черные грязи зачернелися.
Забелелася, зачернелася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тут заплакал Данила горючьми слезьми,
Возговорит он таково слово:
«Знать, гораздо я князю стал ненадобен,
Знать, Володимиру не слуга я был!»
Берет Данила саблю боёвую,
Прирубил Денисьич силу русскую.
Погодя того времечко манешенько,
Берет Данила трубочку подзорную,
Глядит ко городу ко Киеву:
Не два слона в чистым поле слонятся,
Не два сыры дуба шатаются:
Слонятся-шатаются два богатыря
На того ли на Данилу на Денисьича:
Его родной брат Никита Денисьевич
И названный брат Добрыня Никитинич.
Тут заплакал Данила горючьми слезьми:

«Уж и в правду, знать, на меня Господь прогневался,
Володимир-князь на удалого осердился!»

Тут возговорит Данила Денисьевич:

«Еще где это слыхано, где видано:

Брат на брата со боём идет?»

Берет Данила сво востро копье,
Тупым концом втыкат во сыру землю,

А на острый конец сам упал;
Спорол себе Данила груди белыя,
Покрыл себе Денисьич очи ясныя.

Подъезжали к нему два богатыря,
Заплакали об нем горючьми слезьми.

Поплакамши, назад воротилися,
Сказали князю Володимиру:

«Не стало Данилы,
Что того ли удалого Денисьича!»
Тут собирает Володимир поезд-ат,
Садился в колясочку во золоту,
Поехали ко городу Чернигову.

Приехали ко двору ко Данилину;
Восходят во терем Василисин-ат.
Целовал ее Володимир во сахарные уста.

Возговорит Василиса Никулична:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь,
Не целуй меня в уста во кровавы,
Без мово друга Данилы Денисьича».

Тут возговорит Володимир-князь:
«Ох ты гой еси, Василиса Никулична!

Наряжайся ты в платье светное,
В платье светное, подвенечное».

Наряжалась она в платье светное,
Взяла с собой булатный нож.

Поехали ко городу ко Киеву.
Поверстались супротив лугов Леванидовых;
Тут возговорит Василиса Никулична:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Пусти меня проститься с милым дружкой,
Со тем ли Данилой Денисьичем».
Посылал он с ней двух богатырей.
Подходила Василиса ко милу дружку,
Поклонилась она Даниле Денисьичу:
Поклонилась она, да восклонилося,
Возговорит она двум богатырям:
«Ох вы гой есте, мои вы два богатыря!
Вы подите, скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружкой,
Со тем ли Данилой Денисьичем».
Берет Василиса свой булатный нож,
Спорола себе Василисушка груди белые,
Покрыла себе Василиса очи ясные.
Заплакали по ней два богатыря.
Пошли они ко князю Володимиру:
«Уж ты батюшка, Володимир-князь!
Не стало нашей матушки Василисы Никуличны,
Перед смертью она нам промолвила:
„Ох вы гой есте, мои два богатыря!
Вы подите, скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружкой,
Со тем ли Данилой Денисьичем"».
Приехал Володимир во Киев-град,
Выпускал Илью Муромца из погребца,
Целовал его в головку, во темечко:

Данило Ловчанин

«Правду сказал ты, старой казак,
Старой казак Илья Муромец!»
Жаловал его шубой соболиною,
А Мишатке пожаловал смолы котел.